

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1989

мы не можем предложить точную фонетическую расшифровку текста и вынуждены довольствоваться гипотетической реконструкцией (1). Кроме данной реконструкции мы приводим также перевод на среднекорейский язык (2), который как бы является проекцией данного древнекорейского текста на среднекорейское языковое состояние:

	莫 翼	圖 隣	之 大 相 七 兄 凡	湯 氣
(1)	начухай	торэн	чхйэтапоникэча	мэргэ
(2)	나 조 해	도 른	쳐 다 보 니 어 자	믈 거
	/начохай	тáран	чхйэтапониъо́ча	мыткó/
	вечернюю	луну	посмотрев вверх	спросила

1. 日本古典文学大系 三卷 15頁 (Серия японской классической литературы, т. 3, с. 15). Токио, 195. Далее: Серия...
2. Серия... с. 15, примечание № 9.
3. Такая возможность не исключена в силу того, что в древней Японии было несколько иноязычных анклавов, которые впоследствии были постепенно ассимилированы.
4. Древнекорейский язык засвидетельствован ограниченным количеством текстов. До сих пор не осуществлена точная фонетическая реконструкция древнекорейских текстов, что затрудняет обращение к данным древнекорейского языка, поэтому наиболее надежным источником по старокорейскому языку являются материалы среднекорейского языка XV в.
5. В Сэ ок пхйон (새 옥 편) данный иероглиф переводится как 끓음은 물 "кипяченая вода", "подогретая вода".

Л. В. Жданова

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ЛИ ГЮБО (1168-1241) В СВЯЗИ С МИФОЛОГИЧЕСКИМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ

Два стихотворения, о которых пойдет речь в настоящем сообщении, привлекли наше внимание общностью темы, вынесенной в заглавие. Первое стихотворение называется "Вечером седьмого числа воспеваю дождь", второе - "Дождь вечером седьмого числа". Вечер седьмого числа (кит. ц и с и, кор. ч х и л ь с о к) подразумевал осенний праздник на Дальнем Востоке, отмечаемый в седьмую луну, подобно таким праздникам двойных чисел, как третий день третьей луны, пятый день пятой луны, девятый день девятой луны, и был тесно связан с популярным в Китае, Кореи и Японии мифом о Пастухе и Ткачихе.¹

Обратимся к стихотворению "Вечером седьмого числа воспевав дождь", более простого по своей структуре. Перевод его:

Вечер седьмого числа // редко /обходится/ без дождя. (I)
 Я не // знав причин этого. (2)
 Чудесная пара // собирается испытать радость свидания. (3)
 Божество дождя, // должно быть, завидует. (4)
 Хочет повелевать // воронами-сороками - друзьями /Пастуха и Ткачихи/. (5)
 Намокшим же /птицам/ трудно // опуститься на середину пути. (6)
 Если // /к ночи/ мост /из ворон и сорок/ не будет готов, (7)
 Через Реку // нельзя будет переправиться. (8)
 Как же /за ночь/ // переплыть /ее/ и вернуться обратно? (9)
 В этот вечер // трудно попусту проводить /время/. (10)
 В будущем году, // похоже, снова /в это время/ будет дождь. (11)
 Каково носить // столь долго в сердце тоску /по супруге/
 супругу/? (12)

/4, т. У, 9I (252)/

Стихотворение состоит из двенадцати пятисловных строк. Первые и последние две строки, образующие семантическое кольцо стихотворения, соотносятся с авторским "я". Сюжет же мифа о Пастухе и Ткачихе разворачивается в пределах классического восьмистишия. В первой половине восьмистишия представлены главные персонажи мифа и намечена тема переправы. Ими являются: "чудесная пара", "божество дождя", "вороны и сороки".

"Чудесная пара" (кит. л и н п и, кор. ё н п х и л ь). В китайской поэзии, начиная с эпохи Диньных династий (III-VI вв.), этот образ неизменно связывался в сознании читателя с вечером "двойной семерки" и приуроченным к этому календарному празднику мифом о Пастухе и Ткачихе, зачисленных даосской традицией в разряд бессмертных. По-видимому, и корейскому читателю XII-XIII вв. было достаточно намека на "чудесную пару" как единственную в своем роде, чтобы вызвать в памяти главных персонажей мифа.

"Божество дождя" (кит. в й ш и, кор. у с а). В китайской традиции божество дождя мыслилось как мужское божество, лишенное супруги и выступающее, как правило, в паре с другим мужским божеством - божеством ветра (кит. ф э н ш и, кор. п х у н с а). Им весной совершались жертвоприношения /6, I446/. А.Масперо полагает, что оба эти божества - весьма древнего происхождения. Они изображаются стоящими на облаках: первый - как воин в желтых доспехах, несущий вазу, наполненную водой, второй - как белобородый старец, одетый в желтую мантию и голубую шапочку с веером в руке или же мешком, наполненным ветром. В свое время они

были включены в даосский пантеон, где божество дождя изображается держащим в руке чашу, из которой оно разбрызгивает воду кончиком своего меча /8, 275/. Нам представляется, что божество дождя в даосском пантеоне заслуживает особого внимания, так как с ним связано воспроизведение довольно архаичной модели акта творения дождя. Изоморфным этой модели оказывается описанный Вернером ритуал вызывания дождя неким лицом, возведенным впоследствии в ранг божества дождя, при мифическом императоре Шэнь-нуне, которое появилось во время сильной засухи. Ритуал вызывания дождя этим лицом состоял в следующем. В глиняную чашу была налита вода. После чего будущее божество сорвало с соседней горы ветвь дерева, погрузило ее в воду и побрызгало на землю. Тотчас собрались тучи и полил дождь /II, 205-206/. Заметим, что божество, держащее в одном случае меч и вазу с водой, в другом - ветвь и чашу, в которую была налита вода, весьма напоминает Гуаньинь, изображаемую в буддийской иконографии с ивовой ветвью и вазой с водой. Не исключено, что более поздние буддийские представления наложились в данном случае на уже существующий местный образ божества.

"Вороны и сороки" (кит. у ц в е, кор. о ч а к). В стихах китайских поэтов, начиная с эпохи Чжаньго (У-Ш вв. до н.э.), "вороны и сороки" предстают как птицы, связанные: 1) с югом и противопоставляемые "гусям", летящим на север; 2) с кругом птиц, представляющих собой неразлучные пары (самец и самка феникса, мандаринские утки); 3) с мостом. В стихотворении Ли Гюбо "вороны и сороки" выступает как другья (кит. л ю й, кор. е) "чудесной пары" и как объект воздействия "божества дождя". Особенностью стихотворения корейского автора является то, что "воронам и сорокам" - неподплывающим птицам приходится действовать (воздвигать мост) в ситуации, отмеченной господством стихии воды. По мнению М.И.Никитиной, "мост из ворон и сорок", пришедший из китайского мифа, вытешил какой-то иной тип переправы, возможно, мост из камней, отголоски которого сохранились в корейской поговорке "Лысий", словно голова сороки вечером седьмого числа". Толковый словарь корейского языка, раскрывая смысл этой поговорки, приводит фрагмент мифа, согласно которому сороки для строительства моста, предназначено для встречи Пастуха и Ткачихи, носят камни на голове, лишаясь тем самым своего оперения в этом месте /7, т. 4, 89I/.

Вторая половина восьмистишия продолжает тему переправы через Реку - главную тему всего стихотворения - как единственного занятия героев мифа в вечер "двойной семерки".

Перейдем к стихотворению "Дождь вечером седьмого числа". Пе-

ревод его:

Серебряная река - далека-далека, // за пределами бирюзовой зари(1)
(вариант в "Тонмунсон": за пределами бирюзового неба)

В этот вечер на Небе собираются // бессмертные. (2)

Звуки драконового челнока прервались - // ткацкий ночной станок
опустел. (3)

У моста из ворон и сорок // [боги] торопят бессмертных выезжать(4)
(вариант в "Тонмунсон": У моста из ворон и сорок // [боги] торопят
[Пастуха] взять в небо).

Встретились - только разговорились, // как [пора испытать] горечь
разлуки. (5)

На пути возвращения домой ясным утром // вновь трудно будет
задержаться. (6)

Две струи яшмовых слез // оmyвает [лицо], словно источник. (7)

Один порыв "золотого ветра" // вызвал дождь. (8)

У бессмертной из [дворца] обширного холода // платок из беленого
шелка холоден. (9)

В одиночестве проводит [она] ночь, // бродя рядом с тенью
коричного дерева. (10)

Завидует той "чудесной паре", ///которая хотя бы/ одну ночь
[в году] испытывает радость. (11)

Крепко заперт дворец [лунной] кабы, // не излучает свет. (12)

Красный дракон опустился на сырую [от дождя землю] // скользит -
на него трудно сесть. (13)

Синие птицы сели [на землю], намokли // и замерзли [так, что]
не могут лететь. (14)

Небо стало светать, // наконец-то, прояснилось [после дождя]. (15)

Боксь [все же], замочит внучка Неба // платье из облачной
парчи. (16)

/4, т. I, 22(94); 5, кв.6, л. 66-7а/

Стихотворение состоит из шестнадцати семисловных строк и делится по смыслу как бы на два восьмистишия. Первое восьмистишие непосредственно связано с мифом о Пастухе и Ткачихе. Второе - за исключением последних двух строк, в которых автор вновь обращается к мифу о "чудесной паре", строится как цепь мифологических мотивов, часть из которых приурочена ко дню "двойной семерки" (мотив о кузнеце Тао Аньгуне и мотив о Сиванму), часть же (миф о Хэн-э) имеет опосредованную связь с интересующим нас мифом. Стихотворение обрамляется временным кольцом: первые две строки передают картину вечерней зари, последние две - картину рассвета.

В первых восьми строках стихотворения главным персонажем вы-

стует Ткачиха. С ней связаны два момента: 1) прекращение работы на небесном ткацком станке, 2) слезы, претворенные в дождь. Первый момент соотносится со звуком (образ умолкнувшего "драконового челнока"), второй – с цветом ("яшмовые (белый) струи"). По-видимому, цвет и звук являются основными конструирующими признаками первых восьми строк. Цветом помечены: 1) главный элемент пространства мифа (Серебряная (белый) река), 2) время, с которого начинается подготовка к основному действию мифа (бирюзовая (синий/зеленый) заря), 3) стихия, сопутствующая главной стихии мифа – воде (золотой (желтый) ветер – образ осеннего ветра). Звук связан только с главными действующими лицами мифа (диалог супружеской пары).

Строки 9–12 стихотворения Ли Губо навеяны мифом о женском лунном божестве – Хэн-э.² В стихотворении корейского поэта присутствуют практически все узловые образы китайского мифа: Хэн-э в двух ипостасях – женской и жабыей, дворец обширного холода, коричневое дерево, растущее на луне. Причем, с женской ипостасью Хэн-э соотнесен такой предмет как платок из беленого шелка, т.е. ткань, делающая этот миф сопричастным мифу о Пастухе и Ткачихе. Отметим, что миф о Хэн-э приурочен в Китае к восьмой луне, когда там отмечается праздник Луны /10, 480–485; 9, 397–416/. В стихотворении корейского автора XII–XIII вв. этот миф "сдвинут во времени" и объединен с мифом о Пастухе и Ткачихе, приуроченном к седьмой луне. Оба мифа реализовались в ритуалах, проводившихся в ночное время осенью: в них отражалось соединение разлученных божественных супругов. Космическое соединение супругов происходит: 1) в первую четверть луны – седьмого числа седьмой луны (браки между звездами, в которые превратились Пастух и Ткачиха), 2) в полнолуние (браки между Солнцем и Луной,³ персонифицированными в божества Хоу И или Божественного Стрелка³ и Хэн-э). С первой сакральной точкой связан выбор наиболее благоприятного времени для брачного союза в пределах года, со второй – в пределах лунного месяца (Пастух и Ткачиха соединяются раз в год, божество Луны Хэн-э и солнечное божество Стрелок Хоу И соединяются раз в месяц). С первым типом брачного союза связано нечетное число (семь), со вторым – четное (восемь).

Перейдем к 13–14 строкам стихотворения. Их доцезурные части абсолютно параллельны. Центральными в них являются цветковые образы ("красный дракон" и "синие птицы"), что сближает этот фрагмент стихотворения со строками 1–8, где также доминирует цвет.

"Красный дракон" (кит. ч и л у н, кор. ч о к / ч ё к ё н). В Пэйвэнь юньфу с этим образом связан следующий текст из сочине-

ния ханьского Лю Сяна "Жизнеописания бессмертных" ("Ле сянь чуань"):

"У искусного кузнеца Тао Аньгуна был красный воробей. Однажды он сел на макушку кузнеца и пропел: "Аньгун, кузнец Аньгун! Небо посылает [тебя] в седьмой день седьмой луны [выслать] навстречу женщине красного дракона". [Когда] наступил этот час, Аньгун, действительно, сел верхом на красного дракона и удалился" /3, т. I, 51/.

"Синие птицы" (кит. ц и н н я о, кор. ч х о н ч о). Пэй-вэнь юньфу приводит текст из сочинения Бань Гу "Древние деяния ханьского У-ди":

"В седьмой день седьмой луны внезапно появились Синие птицы. Они взлетели и уселись перед дворцом. Дунфан Шо сказал: "Это Си-ванму жаждет явиться". Через мгновение ванму прибыла на трех Синих птицах, которые прислуживали ей по сторонам" /3, т. 3, 1927/.

Приведенные тексты говорят о том, что уже в ханьское время (III в. до н.э. - III в. н.э.) с праздником "двойной семерки" и приуроченным к этому празднику мифом о Пастухе и Ткачихе связывались другие мифы и мифологические сюжеты. По-видимому, влиянием каких-то чужеродных мифов отмечено появление в этих текстах образов "красного дракона" и "синих птиц", идущее вразрез с традиционными дальневосточными представлениями о драконе как существе синего/зеленого цвета, соотносимого в пространственном отношении с востоком, и красной птице, связанной с югом.

Объединим сказанное о персонажах двух стихотворений Ли Гюбо в таблицу I.

Мифологические персонажи	Действия, ситуации, атрибуты	
	стихотворение № 1	стихотворение № 2
Пастух и Ткачиха ("чудесная супружеская пара")		
Он		
дело	[ведет корову-вола]	[ведет корову-вола]
воображаемое действие	переплывает реку	переплывает реку
Она		
дело	[в разлуке ткет облака (ткань) - в день встречи с Пастухом бездействует]	[в разлуке ткет облака (ткань)] - в день встречи с Пастухом бездействует
предмет, с которым соотносится	-	ткацкий станок

одежда	-	платье из парчи (ткань)
отношение к Небу	-	внучка Неба
эмоции	-	слезы
Они		
ритм отношений	встреча/разлука	встреча/разлука
эмоции	радость/горечь	радость/горечь

Прочие божества		
божество дождя (мужское)		
дело	1) позывает дождь 2) мочит ворон-сорок	-
контакты	одиноко	-
эмоции	завидует Пастуху и Ткачихе	-
божество Луны (женское)		
дело	-	1) пребывает во дворе обширного холода 2) бродит рядом с тенью коричневого дерева
контакты	-	одиноко
эмоции	-	завидует Пастуху и Ткачихе
предмет с которым соотносится	-	платок из беленого шелка (ткань)

Живые существа		
вороны-сороки		
дело	образуют мост	образуют мост
соотнесенность с водой	1) опускаются на середину реки 2) мокнут под дождем	-
отношение к Пастуху и Ткачихе	друзья	-
красный дракон		
дело	-	/перевозит кузнеца Тао Аньгуна на встречу с Ткачихой/
действие	-	1) опускается на землю 2) скользит на земле
синие птицы		
дело	-	/сопровождают Сиванму в 7 день 7 луны/

действие	-	1) опускаются на землю 2) не могут лететь, т.к. намокли и замерзли
жаба		
дело	-	обитает во дворце на луне
действие	-	сидит в запортом дворце
соотнесенность со светом/темнотой	-	сидит во дворце в темноте

Как показывает таблица I, в первом стихотворении совершенно не разработан образ Ткачихи. Между тем, во втором стихотворении разработка этого образа близка к китайскому мифу и даже превосходит известные нам варианты последнего по количеству деталей, связанных с мотивом ткачества-ткани ("парчовое платье" Ткачихи).

Акцент на женском мифическом персонаже во втором стихотворении усилен за счет введения в текст еще одного женского божества - божества Луны, в котором также подчеркнута деталь, связанная с ткачеством-тканью (платок из беленого шелка). Ввод же в текст первого стихотворения мужского божества (божество дождя) заставляет предположить, что центральной в этом стихотворении является фигура мужского персонажа мифа - Пастуха, усилия которого направлены на переправу через реку.

Отличает второе стихотворение от первого и обилие упомянутых в нем живых существ. Причем, если в первом стихотворении подробно разработан образ "ворон и сорок", то во втором акцентированы образы "дракона" и "птиц", сопровождающих Сиванму, т.е. на первый план выдвигается не мотив переправы, а мотив божественной свиты Ткачихи, включающей пару божеств (кузнеца и Сиванму).

Оба стихотворения Ли Губо отличаются не только персонажами, их действиями, взаимоотношениями, атрибутами, но и пространственно-временными характеристиками, стихиями, цветом, светом, звуком. Представим это в виде таблицы 2.

	стихотворение № 1	стихотворение № 2
I		
Время		
год	1) настоящий год 2) будущий год	-
луна	седьмая	седьмая
день	седьмой	седьмой
время суток	вечер	вечер, вечерняя зоря, ночь, рассвет

II	Пространство	река, два берега реки мост	Серебряная река, Небо, мост, дворец обширного холода, дворец жабы, земля
III	Стихии		
	вода	дождь, намокшие вороны-сороки, река	дождь, река, слезы Ткачихи, источник, сырая земля, намокшие синие птицы, об- лака, намокшее пла- тье Ткачихи
	ветер	-	золотой
IV	Цвет		
	белый		
	серебряный	-	река
	яшмовый	-	слезы
	беленый шелк (кит. лянъ)	-	платок
	синий/зеленый	-	птицы
	бирюзовый	-	заря
	красный	-	дракон
	желтый		
	золотой	-	ветер
V	Свет	-	излучаемый дворцом жабы, рассвет
VI	Звук	-	1) "драконового челнока", т.е. челнока небесной девы-Ткачихи 2) речи "чудесной пары"

Как показывает рубрика I таблицы 2, стихотворения отличаются по таким временным категориям, как год и сутки. Первое стихотворение, в котором отмечены настоящий и будущий год, связано с циклически повторяющимися процессами (дождь из года в год в день встречи Пастуха и Ткачихи), второе воспроизводит сюжет, который представляет собой как бы эпизод на фоне вечного (дождь имеет начало и конец, он начинается после захода солнца и кончается с восходом).

Как свидетельствует графа II, во втором стихотворении пространство представлено гораздо большим числом элементов, нежели в первом, где оно лишь слегка намечено: говорится об абстрактной реке, реке вообще, через которую должен быть возведен мост из ворон и сорок. Во втором стихотворении речь идет о конкретной реке, за

которой закреплен цвет (серебряная). Второе стихотворение подразумевает оппозицию "Небо-Земля", с первым элементом которой связана Ткачиха (она - внучка Неба), со вторым - ее свита. Во втором стихотворении мы встречаем также "постройку" - дворец, в котором соединяются раз в месяц солнечное и лунное божества. По-видимому, функция дворца здесь тождественна функции моста, на котором соединяются раз в год герои рассматриваемого нами астрального мифа.

Как показывает рубрика III, в первом стихотворении с водой связаны вороны и сороки, во втором объектом воздействия этой стихии являются синие птицы, сопровождающие божество Запада. В обоих случаях устойчивой оказывается связь воды с птицей. Стихия воды буквально пронизывает второе стихотворение, причем она связана главным образом с Ткачихой.

Как свидетельствуют рубрики IV-VI, цвет, свет и звук отмечены лишь во втором стихотворении. Причем из всей цветовой гаммы, представленной в нем, наиболее разработан белый, связанный с водой (река, слезы) и тканью (платок божества Луны), выступающими в культурах стран Дальнего Востока как элементы тождества, соотносимые с женским началом.

В целом мы можем сказать, что оба стихотворения Ли Гюбо представляют своего рода "мужской" и "женский" варианты мифа о Пастухе и Ткачихе, каждый из которых обладает лишь ему присущим набором признаков.

Как свидетельствуют тексты китайских авторов, миф о Пастухе и Ткачихе в этой культуре не представлял собой некий "застывший" текст. Подвергаясь постоянному воздействию со стороны других мифологических сюжетов, он вырос в сложное, многослойное образование, и поэтические тексты корейского автора отражают эту сложность. Возникает вопрос, можно ли выделить из этого конгломерата китайских мифов корейский мифологический субстрат?

Обратим внимание на главных персонажей мифа и их взаимоотношения. В первом стихотворении супружеской паре противостоит третий персонаж (божество дождя, которое завидует). Во втором представлена коллизия, в которой также участвуют три персонажа: супружеская пара божеств и третье божество, несущее ту же отрицательную эмоцию, что и третий персонаж в первом стихотворении (в данном случае божество Луны, которое завидует; в тексте глагол "завидовать" выражен тем же иероглифом, что и в первом стихотворении). Этот третий, отрицательный персонаж, в одном стихотворении - мужской, в другом - женский, и это определяет смысловое и художественное решение темы стихотворения. Так, "женский" ее вариант у Ли Гюбо явно реализует-

ся как цветовой и "тканевый" прежде всего.

Этот "треугольник" видимо не случаен, ибо он присущ обоим стихотворениям корейского автора. Следует отметить, что он не встречается ни в одном из известных нам китайских вариантов мифа о Пастухе и Ткачихе. Это наводит на мысль, что за этими стихотворениями Ли Губо может стоять какой-то неизвестный нам корейский миф.

1. Существует множество китайских версий этого мифа, дожившего до наших дней в записях календарных празднеств, в таких видах искусства как китайская народная картина и современная драма и, наконец, в поэтических текстах. Наиболее популярный вариант мифа см. /2, 135-138/, другие варианты см. /9, 370-373/, /II, 189-191/, /I, 236/.
2. Миф о Хэн-э см. /II, 179/, /IO, 480-485/, /2, 180-200/.
3. О Стрелке Хоу И как о солнечном божестве, получившем в награду за свои заслуги дворец на Солнце, см. /II, 179/.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.М.Алексеев. Китайская народная картина. М., 1966.
2. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965.
3. Пэйвэнь вньфу (Словарь рифм). Т. I-6. Шанхай, 1931.
4. Тонгук И сангук чип (Сборник министра Восточного государства - И). Т. I-VII. Сеул, 1984 (Серия "Коджон кугёк чхонсо", т. I66-172).
5. Тонмунсон (Избранные произведения литературы Восточного /государства/), сост. Со Годжон, ксилограф, /б.м./, /б.г./.
6. Цыхай, Шанхай, 1940.
7. Чосон маль саджон (Словарь корейского языка). Т. I-6. Пхеньян, 1960-1962.
8. Asiatic Mythology. New York, /1963/.
9. J.Bredon and I.Mitrophanow. The Moon Year. Shanhai, 1977.
10. J.J.M. de Groot. Les Fêtes Annuellement Célébrées à Amoy (Amoy). - "Annales du Musée Guiment", т. 12. Paris, 1886.
11. E.T.C.Werner. Myths and Legends of China. London, 1934.

Г.Д.Иванова

КРИТИКА ЕВРОПЕИЗАЦИИ В ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX вв.

Два с половиной столетия Япония пребывала в изоляции - вплоть до середины прошлого века. Въезд в страну иностранцам был запрещен (исключение делалось для голландцев и китайцев, чьи су-